

Автор: **Облизанов Александр Дмитриевич**

3 курс ФКТИ, группа 8382

Азохнвей: как моя прабабушка пережила войну

1. Введение

Великая Отечественная Война, начавшаяся с вторжения нацистских войск на СССР 22 июня 1941 года, стала огромной трагедией для миллионов людей. Однако будучи сложнейшим испытанием, война не способна разрушить внутренний мир человека, его традиции и веру. В то же время она переворачивает представление о жизни и остается раной на всю оставшуюся жизнь. Данный текст будет основан на рассказе моей бабушки Ирины о ее маме – Эйде Тененбаум. Через призму того, через что прошла не очень богатая еврейская семья, я хочу показать, насколько страшна и беспощадна война. Она не щадит никого, люди и семьи борются за свое спасение, принимая, что могут больше не увидеть друг друга. Война – это удивительное сочетание отваги и страха, борьбы за свою страну и за собственную жизнь, жертвенности и самосохранения. В таком водовороте ужасных событий очень важно не потерять веру как в себя, так и в свою Родину.

На вопрос о том, как дела, ответ “Азохнвей!..” нужно понимать буквально: такие дела, что остается кряхтеть: “ох” и “вей”.

2. Предвоенные годы

2.1. Рождение Эйди и ее семья

В 1920-м году в России шла Гражданская война. Красная армия и белогвардейцы участвовали в еврейских погромах. В день, когда Эйдя Тененбаум родилась, как раз был такой погром. Девочку быстро завернули, положили в корзину и побежали на кладбище. Видимо, из-за суеверия бандиты никогда не появлялись там. Пожалуй, это был последний погром, прямо на Пейсах в 1920 году, в местечке Балин Смотрицкого района Винницкой области. Теперь этого местечка нет – немцы стёрли его с лица земли. От всех тревог и волнений у мамы Эйди пропало молоко, и девочку выкормила украинка. Это были четырнадцатые роды, и родители стеснялись, что так поздно у них появилась ещё дитё. Перед войной оставалось семеро

детей: четыре мальчика и три девочки. Умирили в младенчестве, то от детских болезней, то от испанки.

Семья считалась зажиточной: большой двухэтажный кирпичный дом с железной крышей. На первом этаже был магазин, где продавали всё, кроме алкоголя. В углу магазина стоял стол и стулья, где можно было выпить чай и почитать газету. Там часто сидели учителя из школы. Это были высланные из Киевского университета профессора, т.к. они стояли за Свободную Украину. Благодаря им, уровень подготовки у детей был отличным, и они легко поступали в институты. Кроме того, раз в неделю у родителей столовались то раввин, то священник. Пожертвования делали и синагоге, и церкви.

Все дети, кроме Эйди, ходили кроме украинской школы еще и в хедер. В школе еврейские дети освобождались от урока «закон божий», чему завидовали все остальные.

На Святки приходили ряженые, дивчины и парубки с песнями и плясками вваливались в дом, стоял хохот и веселье. Конечно, их одаривали конфетами, пряниками. Из живности были куры и корова, а лошади не было, поэтому, когда Эйдя сломала руку, катаясь с горки на Рождество, родители наняли украинца отвезти к врачу в Винницу за большие деньги.

2.2. Советская жизнь – загнанные в угол

Семья Эйди еще до ее рождения пережила становление Советской власти, 25 октября 1917 года, а неприятные повороты в их жизни начались после НЭПа – новой экономической политики, проходившей в 20-е годы. Старшие дети, Моисей и Менаше, уехали жить в Петроград. Вышла замуж и уехала вслед за мужем в Ленинград старшая сестра красавица Роза (Ревека 1904 г.р.). Изя (Зельман) любимец родителей, самый умный и энергичный помогал родителям с отчётами для уплаты налогов в магазине.

Однажды отца забрали в чрезвычайную комиссию СССР и продержали там неделю. Вернулся он совершенно седой и сломленный: требовали золото. Семья отдала всё, даже просили у родственников собрать нужное количество монет. Вскоре ночью прибежал местечковый парень-чекист и сообщил, что их внесли в списки на высылку в Сибирь. Этой же ночью семья бежала. Самое ценное из того, что взяли с собой, был ведерный самовар. На подходе к станции лежала лошадь, точнее скелет лошади. Это был 1930 год.

Ехать было долго и мучительно: мама задыхалась от астмы, у Бориса были жесточайшие приступы эпилепсии, было голодно, впрочем, к этому

можно было привыкнуть. Приехали в Ленинград, который оставил первое впечатление как очень мрачный и огромный город. Здесь жили старшие дети семьи: Моисей работал пожарником, Менаше – бухгалтером. Надо было найти жилье, и помог случай: стоя в очереди в магазине, услышали разговор о том, что мужчина ищет желающих разделить с ним прачечную, отданную под жильё. Конечно, там надо было сделать перегородку и ремонт, это была пристройка к дому во дворе. Все дети помогали: кто деньгами, кто руками. Спустя время, семья переехала в полуподвальное сырое помещение, где, однако, было пару комнат, кухня и туалет.

2.3. Детство и юность Эйди

Папа Иосиф устроился работать на утильную фабрику сортировщиком отрезков. Борис работал в Стрельне на звероферме – ухаживал за кроликами. Клара поступила в техникум, училась на экономиста, затем поступила в институт им. Герцена на учителя математики. Перед войной по распределению её отправили в Сибирь.

Эйдя училась в школе. Над ней смеялись т.к. она не знала русского языка, а на украинском некоторые слова казались смешными. Жили очень бедно: у Эстер бывали голодные обмороки. Изя давал Эйде на день 15 копеек – этого хватало на винегрет, кусочек хлеба и чай. Как только Эйдя окончила седьмой класс, то по настоянию Изи пошла учиться в строительный техникум. Это было совершенно не её и, получив среднее образование, перед войной она поступила в институт иностранных языков (Смольная, 8).

На фото Менаше, Роза, Борис, Шура (Шейва), Анна, Моисей, Изя, Эйдя, ниже: Муня, Фаня, папа Иосиф, мама Эстер, Клара

3. Начало войны

Когда началась война, Моисей был сразу мобилизован, т.к. пожарные считались военнослужащими. Вскоре пришла статья о смерти - похоронка. Мобилизация проходила очень массово: всего в период войны было мобилизовано более 34 миллионов человек. У Изи, как у инженера-строителя, была броня, и его направили на сооружение противотанковых укреплений. Потом он пошел в армию ополченцем, был сапёром. Аня с сыном Юрой была эвакуирована в Сибирь в город Куйбышев (Каинск) Новосибирской области. Позже, в 1943 году, раненый под Ораниенбаумом Изя был на санитарном поезде отправлен в госпиталь на Дальний Восток. Но по дороге Аня сумела его снять с поезда и положить в Новосибирский госпиталь, где он был комиссован (ему ампутировали полстопы).

Блокада Ленинграда началась 8 сентября 1941 года и продолжалась мучительные 872 дня. Несомненно, проводилась эвакуация граждан, пока это было возможно до блокады. Во время блокады тоже были способы спасти себе жизнь и при этом помочь стране. Институт, где училась Эйдя, эвакуировали, но она осталась, так как родители отказались уезжать. Её взяли

на рытьё окопов где-то в Рыбацком. Там кормили. Раз в неделю приезжал папа Иосиф, но вскоре перестал. Эйдю отпустили в город за теплой одеждой, дали с собой буханку хлеба, видимо знали, что творится в городе. На столе лежал папа, входили соседи, крестились: “Спаси Господи”. Не спас, и не только папу – на следующий день умер Борис. Наняли подводу, чтобы отвезти их на Еврейское кладбище. Ради этого пришлось отдать тот самый самовар из Балина.

Никаких запасов в семье не было, умирали один за другим: Шура с дочкой, Муня, Менаше (у него был туберкулез), Фаня. Муж Розы – Фима (Хаскель) – был на фронте, а Розу в армию не взяли из-за детей, и она работала врачом в детском доме до эвакуации. Жизнь с Фимой не сложилась, и Роза одна поднимала детей.

Удивительно, но у Эстер в блокаду прекратились приступы астмы и моргать постоянно она перестала, что было у нее еще с детства. Так или иначе, в марте она умерла. Похоронена на Пискаревском кладбище в братской могиле № 11 за 1942 года. Когда все на Халтурина умерли, Эйдя пришла к Розе на улице Чайковского, дом 30. Леня тихо лежал в кровати, уже не ходил, а Люся с глазами затравленного зверька сидела в углу.

4. Время действовать

Однажды по радио Роза услышала, что приглашают женщин на ускоренные курсы медсестер военного времени. Эйдя тогда уже плохо соображала, у нее были отеки, серьезные проблемы с желудком. Но все равно они собрались и пошли в райвоенкомат, он был рядом. И, о чудо, Эйдю взяли. После голода и холода это был глоток настоящей жизни. На курсах кормили два раза в день пшенной болтушкой и давали кипяток. Говорили все время о еде. Кстати, после войны у Эйди всегда был запас пшена хоть полкило.

В мае 1942 года Эйдя приняла присягу. Её отправили в 1000-й госпиталь, но вскоре госпиталь эвакуировали, а Эйдю оставили. После этого опять надо было ждать в военкомате, кто ее возьмет. Приходили так называемые «купцы», но её никто не брал: уж очень худая, да и ростом – чуть больше 150 сантиметров. Потом вдруг собрали всех и отправили на станцию Пери в запасной полк. В основном тут были женщины с Вологды. Они партизанскими тропами пробрались в Ленинград, и каждая несла мешок с пшеном.

Жило в землянке 100 человек. Нары покрыты хвойными ветками, сверху шинель. Под ногами жерди, хлюпает жижа. Выдали мужское бельё и солдатские штаны, гимнастерку. На ногах солдатские ботинки и обмотки. Для обогрева и сушки стояла буржуйка. Раздали топоры и пилы и пошли валить лес для фронта. Старик-лесник качал головой: “Тебя же, девка, от ветра качает”. Вологодские молодцы быстро делали норму 8 кубометров, потом и 12 кубометров. А вот Эйля с Машей Свинуховой (тоже ростом 150 сантиметров) к обеду не успевали. Но кормили их хорошо, особенно после блокады. Кубик сала, который Эйде давали в армии, она не ела, а меняла на ложку сахара, также меняла и водку. К зиме выдали ватные штаны и ватник, а на ноги – сапоги-кирзачи.

5. Медаль за оборону Ленинграда

25 октября 1943 года в полк приехал генерал. Выстроили всех и торжественно награждали медалью за оборону Ленинграда. Когда вышла рядовая Тененбаум Эйдя, генерал спросил, откуда она. Узнав, что она из Ленинграда, генерал рассвирепел (говорили, что у него семья умерла в блокаде от голода) и командира полка тут же отправил приказом на фронт. Эйдю перевели, как грамотную (что было редкостью), в автоколонну учётчицей. Там встретилась с Галкиным Василием Юльевичем. Он был заботливым командиром-лейтенантом. У всех шофёров были полушубки, валенки и рукавицы. Всё это дали и учётчице. В конце декабря автоколонну перебросили под Лугу для участия в снятии блокады в январе 1944 года. Больше они не встретились – пропал без вести, но оставил ребенка – дочь Иру. В архиве нашли последнюю запись: награждён орденом Красной Звезды в сентябре 1944 года.

На фото Василий Галкин

6. Спасти не только своего ребенка

В мае 1944 года Эйдю комиссовали, и она вернулась в Ленинград (полушубок правда пришлось оставить). Открыла завязанную на верёвочку дверь, вошла. Здесь навалился ужас всего пережитого. Эйдя вскоре поехала к родственникам в Сибирь, там собрались Роза, Изя, Клара и мама. Один Изя приветствовал новую жизнь, ведь погибло очень много в семье, и помог с родами. 8 сентября 1944 года в роддоме №2 на Фурштатской ул. родилась дочь Ира (моя бабушка) – 1 килограмм весом. Тут же их перевели в институт недоносков где-то на Кирочной улице.

Произошло чудо: у Эйди было очень много молока (1,5 литра в день, кроме необходимого ребенку). Конечно, врачи тряслись за жизнь Иры – ведь это и жизнь ещё многим деткам. Хватало буквально 40 грамм, чтобы ребёнок выжил. Кстати, выживали только девочки, мальчики были слабее. Перед родами Эйде приснился сон, что она выходит из роддома с девочкой, держа её за ручку – так и случилось. Ее волшебное молоко спасло сотни детей.

Однажды, уже в 50-е годы, Эйдя и Ира были в ДЛТ, и вдруг перед Эйдей на колени упала женщина, крича, что она святая. Конечно, она тут же её подняла, они обнялись. Оказывается, Эйдя спасла её дочь.

7. День победы и жизнь после войны

День Победы, 9 мая 1945 года, Эйдя не помнит, только слёзы. Она кормила детей (не сцеживала), и её не выпустили за территорию. После окончания войны пошла повседневная жизнь – битва за выживание. Работала намотчицей, сборщицей бритв, приёмников. Замуж она не вышла, хотя звали. Так получилось, что с сестрой Кларой Эйдя жила вместе. Когда они не хотели, чтобы Ира понимала, о чём говорят, то говорили на идиш. Эйдя уходила на работу к 7-ми утра, а Клара отводила Иру в садик, сама преподавала в школе рабочей молодёжи. Летом брала с собой в отпуск на месяц то на Украину в Овруч, то в Прибалтику на Двину, то в Крым в Коктебель. Позже Кларе дали комнату 6 квадратных метров в коммуналке на 14 съёмщиков. Эйдя с Ирой тоже жили в большой квартире (7 съёмщиков). Комната была шириной около двух метров, всего 12 квадратных метров. Правда к ним подселили студентку-красавицу Майю. Потом она вышла замуж и уехала.

Эпилог

Война унесла жизни, по разным данным, от 11 440 100 человек (официально безвозвратные потери) до 26 600 000 человек (все потери, включая гражданское население, погибших в прифронтовых районах). Сложно представить, сколько еще семей пережили эту трагедию, сколько людей лишились близких, еще страшней думать, сколько не пережило. Хочу закончить повествование словами моей бабушки Иры, дочери Эйди. Эти слова особенно ярко показывают, насколько война глубоко пронизывает человека и остается с ним на всю жизнь. А порой и добивает, даже если давно закончилась.

«Мама прожила долгую жизнь, к сожалению, в конце жизни её опять догнала война. Ей казалось, что идёт война, и надо прятаться, никого не узнавала. В 2006 году она ушла из дома на даче. Конечно, мы заявили в полицию. Обратились в воинскую часть, расположенную поблизости. Командир воинской части выделил роту солдат на поиски (всё-таки мама – участник ВОВ). Прочесали весь лес вокруг дачи – увы, ничего. Писали на передачу в ТВ «найди меня», нанимали какие-то агентства для поиска, даже обращались к экстрасенсам. Все безрезультатно. Через 4 года нашли захоронение от декабря 2007 года, во Всеволожске на участке для неопознанных. Поставили памятник от военкомата как участнику войны. Где

и как она жила эти полтора года неизвестно. Не могу об этом думать – сплошная боль.»

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тора / ред. Горин Б., пер. Сафронова Д. – Москва: Книжники, 2014. – 896 с.
2. Яковлева, И.В. Азохнвей / И.В. Яковлева – не издан, 2017. – 6 с.